

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ВОЗЗРЕНИЯ САЛЛЮСТИЯ НА ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

(Доклад прочитанный в секторе древней истории Института истории АН СССР 13 января 1947 г.).

Гай Саллюстий Крисп был современником одного из самых бурных и напряженных периодов римской истории. На его глазах рушился обветшалый строй римской республики, и в пламени гражданской войны создавались новые политические формы. Саллюстий был не только свидетелем выдающихся событий эпохи, но и их непосредственным участником. По собственному признанию, он еще в молодости решил посвятить себя политической деятельности («Cat.», 3, 3). Однако его политическая карьера сложилась неудачно, и Саллюстий, испытав глубокое «разочарование» (ib.), отошел от непосредственного участия в политической жизни, но продолжал в качестве историка и публициста служить своей партии. Недаром он так высоко оценивал гражданский долг историка (ib., 3, 2) и, отводя возможные упреки в бездеятельности, не без гордости заявлял: *maiusque commodum ex otio meo quam ex aliorum negotiis rei publicae venturum* («Jug.», 4, 4).

Поэтому облик Саллюстия приобретает чрезвычайный интерес. Его мировоззрение, его политические убеждения и симпатии—все это должно в какой-то мере отражать идеологическую жизнь эпохи, борьбу политических партий, классовые позиции определенных прослоек римского общества.

Энгельс говорил, что «римская республика была действительна, но так же действительна была сменявшая ее римская империя»¹. Контекст этой фразы не оставляет сомнений в том, что Энгельс говорил о действительности римской империи в смысле ее исторической необходимости. Но, конечно, нельзя принимать это высказывание Энгельса как свидетельство того, что римская империя появилась на свет без борьбы. Наоборот, утверждающаяся военная диктатура встречала упорное и многостороннее сопротивление. Оно проявлялось в самых разнообразных формах, начиная от вооруженной борьбы (гражданская война) и вплоть до «мирных» форм широкого оппозиционного движения, захватившего различные слои римского общества и богатого своеобразными оттенками.

Общезвестно по крайней мере одно направление этой оппозиции—оппозиционное движение, исходившее из сенатских кругов, из среды римского нобилитета. Изучение политических и философских воззрений Саллюстия, не принадлежавшего к упомянутой группировке, может дать некоторое понятие о других оттенках оппозиционных настроений в римском обществе, среди иных общественных группировок.

Все вышесказанное обусловило повышение интереса к Саллюстию в современной буржуазной историографии. За последние десятилетия появился ряд трудов о Саллюстии, которые пытаются выяснить его мировоззрение и партийные позиции. Но подавляющее большинство работ, посвященных Саллюстию, имеет один общий и чрезвычайно характерный недостаток. Если в этих исследованиях уделяется достаточно внимания Саллюстию, как стилисту, историку и практическому политику²,

¹ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 636.

² См., например, W. A. Baehrens, *Sallust als Historiker, Politiker und Tendenzschriftsteller*, «Neue Wege zur Antike», IV (1926); O. Seele, *Sallust von den*

то общие теоретические воззрения Саллюстия, которые, несомненно, служили основой его исторической концепции, его политические симпатии, до сих пор почти не подвергались специальному изучению. Это, несомненно, явление не случайное, ибо буржуазные историки, особенно в последнее время, всячески избегают крупных теоретических проблем, предпочитая лишь поверхностные и вульгаризаторские аналогии между античностью и современностью.

Отнюдь не ставя себе задачей выяснение философских воззрений Саллюстия в целом, мы ограничимся лишь рассмотрением его взглядов на идеальное государственное устройство, т. е. на лучшую форму правления и на облик идеального государственного деятеля. Притом объектами нашего изучения будут воззрения «раннего» Саллюстия, эпохи «Писем к Цезарю» и «Заговора Катилины».

Уже при изучении воззрений Саллюстия, относящихся к идеальному государственному устройству, вскрывается непосредственное и чрезвычайно плодотворное влияние Платона на римского историка. Влияние представителей средней Стои и, в частности, Посидония на Саллюстия и других его современников общеизвестно¹. Но вопрос о влиянии Платона ускользнул из поля зрения большинства исследователей. Автору известна лишь одна работа, в которой подчеркивается зависимость теоретических построений Саллюстия от Платона², однако и она ограничивается поверхностными и чисто формальными аналогиями³, тогда как факт плодотворного влияния Платона на Саллюстия может быть доказан на гораздо более обширном материале.

Прежде всего следует рассмотреть, как представлял себе Саллюстий закономерность, обуславливающую смену государственных форм. Если обратить внимание на тематику исторических произведений Саллюстия, то можно заметить, что все они по существу написаны на одну тему. Это тема распада, разложения римской республики вплоть до окончательного ее краха. Саллюстий в своих произведениях хронологически не продвинулся далее той эпохи, которой он посвятил свой первый исторический труд — «Заговор Катилины». В его более поздних произведениях («Югуртинская война» и «История») трактуются события, предшествующие движению Катилины. Таким образом, получается, что события 63 г. знаменуют собой «конечный пункт» разложения республики и вырождения ее в тиранию, персонификацией же самого вырождения является Катилина. Бесспорно, прав Egermann⁴, когда он говорит, что портрет Катилины, изображенный Саллюстием, есть портрет тирана.

Это общее воззрение Саллюстия относительно вырождения римской республики в «тиранию» объединяет все его исторические произведения. Впервые и наиболее полно

Briefen ad Caesarem bis zur Coniuratio Catilinae, Stuttg., 1930; W. S c h u r, Sallust als Historiker, Stuttg., 1934; K. L a t t e, Sallust, «Neue Wege zur Antike», т II, R., Н. 4 (1935); Н. О р р е м а н н, Das heutige Sallustbild, NJWJ, Н. 1, 1935, а также соответствующие главы Ed. Meyer'a, Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius, Brl., 1922, («Sallusts erste Schrift an Caesar», стр. 357—364; «Sallusts zweite Schrift an Caesar, стр. 388—399).

¹ См. многочисленные, но противоречивые высказывания на этот счет: Ed. S c h w a r t z, Die Berichte über die Catilinarische Verschwörung, «Hermes», XXII (1897), стр. 561, 565; C. W a g n e r, De Sallustii prooemiorum fontibus, Diss., Lips., 1910, стр. 13 сл.; J. M o r r, Die Entstehung der Einleitungen von Sallust. Jahresber. der K. K. Staatgymn. Troppau. 1913/14; F u n a i o l i, Sallustius; RE. Вопрос о зависимости исторической концепции Саллюстия и его теории упадка нравов (metus punicus) от Посидония подробно рассмотрен у W. S c h u r, op. cit., стр. 62—101.

² F. E g e r m a n n, Die Prooemien zu den Werken des Sallust, Wien, 1932.

³ Например, параллель между «Cat.», 3 (о разочаровании Саллюстия в политической деятельности) и P l a t o, Ep., 7, двумя письмами Саллюстия к Цезарю и двумя политическими посланиями Платона. Приводится также ряд текстуальных реминисценций («Cat.»—Ep., 7, «Jug.»—Ep., 7, «Cat.»—«Menex.», «Phaedon.»). См. op. cit., стр. 24—27.

⁴ F. E g e r m a n n, op. cit., стр. 46—48.

тема вырождения развита в историческом экскурсе «Заговора Катилины», где Саллюстий иллюстрирует данный тезис на материале римской истории («Cat.», 6—12).

Излагая в этом экскурсе историю римского государства, Саллюстий подразделяет ее как бы на три больших периода.

К первому периоду относится основание Рима троянцами, которые, слившись воедино с аборигенами, образовали общину, жившую еще без законов, но согласно и свободно («Cat.», 6, 1—2). Преуспевающая община, как это обычно и бывает, стала вызывать по отношению к себе зависть, соседние цари и народы начали делать попытки нападений. Римляне мужественно и согласно отражали опасность, защищая родину, свободу, семью (6, 3—5). Власть в этот период принадлежала царям, причем государственные дела обсуждались старейшинами или «отцами» (patres). Когда царская власть начала вырождаться в тиранию, римляне изменили государственное устройство и поставили во главе государства двух выборных и ежегодно сменявшихся правителей (consules) (6, 6—7). На этом и оканчивается первый период римской истории.

Второй период, для которого характерны выборная власть, свобода и высоко-нравственная жизнь общества, Саллюстий описывает более подробно, ибо это лучшая пора, «золотой век» римской истории. У всех граждан наблюдается необычайный подъем чувства собственного достоинства, стремление к славе овладевает всем обществом (7, 1), люди заботятся не о накоплении денег, но о накоплении геройских подвигов и доблестных деяний, ибо только они и считались тогда истинным богатством (7, 4—6). В обществе и в мирную эпоху, и в военное время культивируются добрые нравы, царит согласие, прирожденная порядочность заменяет писанные законы (9, 1). Неустрашимость на войне и строгая, неподкупная справедливость в мирное время— вот какими двумя средствами охраняют римляне свое государство. Этот лучший период римской истории, период «золотого века», продолжается вплоть до разрушения Карфагена (1,10).

Третий период римской истории—это эпоха смут и раздоров, начало упадка государства. Прежде всего в обществе развивается стремление к власти, затем страсть к деньгам (10, 3; 11, 1). Честолюбие и корыстолюбие—вот те губительные страсти, которые явились источником и первопричиной всех зол в римском государстве (10, 3). Снова верховная власть вырождается из самой справедливой в самую несправедливую—в тиранию (10, 6). Первым человеком, который олицетворил в себе эту тираническую власть, был Сулла (11, 4). Захват власти Суллой приводит к дальнейшему разложению общества: армия развращается, изнеживается, привыкает к роскоши (11, 5—7), начинаются грабежи и разбои (11, 4), молодежь стремится лишь к роскоши, забывает всякий стыд и скромность (12, 1—2), бросается в разврат и излишества (13, 2—3). Происходит, наконец, полное разложение нравов граждан и вырождение общества. Олицетворением этого окончательного разложения, олицетворением тирании является теперь Катилина и его достойные приспешники («свита из пороков и преступлений»)¹. Заговор Катилины—вполне закономерное следствие, логический продукт вышеизложенных причин (14, 2—7). Этим заканчивается описание третьего и последнего периода римской истории, периода, который приводит римское общество к полному разложению, нравственность граждан—к окончательному упадку, государственные формы—к вырождению в тиранию. Такова в общих чертах концепция римской истории в экскурсе «Заговора Катилины».

Зависимость этого экскурса от Платона может быть показана достаточно наглядно.

Периодизация (трехчленное деление), установленная Саллюстием для римской истории, заимствована в общих чертах у Платона. Как известно, Платон, излагая в «Законах» историю развития государственных форм, отмечает некоторые периоды, или «циклы», общественного и культурного развития человечества. Эти «циклы»

¹ «Cat.», 14, 1: ...omnium flagitiorum atque facinorum circum se tamquam stipatorum catervas habebat.

Платона и легли, на наш взгляд, в основу саллюстиевой периодизации римской истории.

Как характеризует Платон свой первый цикл? Эта государственная или, вернее, общественная форма, которую Платон называет «династией» (*δυναστεία*), характеризуется первобытным строем жизни, чистой нравов, отсутствием развитого государственного аппарата и писаных законов. Власть в этот период осуществляется царями («Leg», 677E—680E). Нетрудно убедиться, что древнейший период римской истории в изображении Саллюстия в основном соответствует этой картине «патриархального быта» в «Законах» Платона.

Как характеризует Платон свой второй цикл? Эта государственная форма, которую Платон называет «аристократией», или «царством» (*ἀριστοκρατία, βασιλεία*), характеризуется возникновением законодательства и установлением выборной власти (680E—681D). Но второй период римской истории, в изложении Саллюстия,—период блестящего расцвета, «золотой век», как раз и характерен установлением выборной и ежегодно сменяемой власти. Результатом этого мудрого государственного устройства явилось то процветание общества, о котором столь подробно распространяется Саллюстий. Таким образом, основные черты второго «цикла» Платона также перенесены Саллюстием в описание «золотого века» римской истории.

Как же, наконец, характеризует Платон свой третий цикл? Эта государственная форма, которую Платон в «Законах» никак не называет (демократия? *δημοκρατία*?), характеризуется, с одной стороны, ростом культуры и могущества государства, но, с другой стороны—это период смут и раздоров, начало упадка, разложения государственных форм (681E—682E; 701A—702A). Нетрудно убедиться, что последний период римской истории в интерпретации Саллюстия сконструирован на основе главнейших характерных черт третьего «цикла» Платона.

Таким образом, трехчленная периодизация римской истории, примененная в историческом экскурсе «Заговора Катилины», воспроизводит учение Платона о «циклах» общественного и культурного развития человечества. Что касается картины морального разложения римского общества, разложения, наступающего в «третий период» римской истории, то схема Саллюстия, по которой это разложение обусловлено развитием сначала честолюбия (*ambitio*), а затем корыстолюбия и роскоши (*avaritia et luxuria*, «Cat.», 11, 1—6), воспроизводит этапы постепенного ухудшения «совершенного государства» Платона, как они даны в VIII кн. «Политии». У Платона первым этапом дегенерации оказывается демократия со свойственной ей *φλοσυρία*, затем олигархия, для которой характерны *φλοσυρισμοί*, а затем—в демократии рождаются *ἀνάσσειμι ἐπιφοίμι*, последняя же ступень вырождения—появление *τυραννικός ἀνὴρ*, образ которого, как уже указывалось выше, использован Саллюстием для характеристики Катилины.

Такое влияние Платона на концепцию римской истории, изложенную в экскурсе «Заговора Катилины». Что же касается общей манеры, в которой написан экскурс, то на ней бесспорно сказалось влияние исторического экскурса «Менексена»¹. Но это влияние, на наш взгляд, скорее формальное и стилистическое, чем принципиальное или «конструктивное»².

Зависимость воззрений Саллюстия от государствоведческой мысли Платона может быть показана еще на одной характерной детали.

Причины разложения республиканских форм Саллюстий ставит в прямую зависимость от нравственного уровня общества. Еще в начале своей монографии («Cat.»,

¹ F. Egermann, op. cit., стр. 41 сл.

² Несомненно, на историческую концепцию Саллюстия оказали влияние теоретические построения Посидония и, в частности, его учение о *metus punicus*. Но это влияние Посидония прослеживается в более поздний период литературной деятельности Саллюстия, главным образом в «Югуртинской войне», где разложение нравов римского общества уже поставлено Саллюстием в прямую причинную связь с разрушением Карфагена и уничтожением *metus hostilis*.

3, 3—5) Саллюстий говорит о том, что всеобщая коррупция и упадок нравственности привели к такому положению, когда все руководящие посты в государстве оказались заняты людьми недостойными и развратными. Но это, в свою очередь, ведет к компрометации самих республиканских должностей и органов, а следовательно, и к вырождению республиканско-демократических форм. Итак, Саллюстий считает, что вырождение республики в тиранию происходит в результате разложения самих республиканских форм. Эти воззрения Саллюстия также вытекают из учения Платона о государстве. Как известно, и для Платона «конечным пунктом» разложения государственных форм была тирания¹. Но Платон с его явно аристократическими симпатиями не только говорил о вырождении государственных форм в тиранию, он выводил тиранию именно из демократии: Ἄρ οὐκ εἶπεν τινὰ τὸν αὐτὸν ἐκ τῆς ἀλιταρχίας δημοκρατία γίγνεται καὶ ἐκ δημοκρατίας τυραννίς; («Pol.», VIII, 562A). Эти теоретические выводы Платона были для Саллюстия практически и реально воплощены в событиях римской истории².

Чем отличается представление Саллюстия о смене государственных форм от взглядов Цицерона, изложенных в «De republica»? Цицерон, как известно, сам признавался в том, что учение о смене государственных форм заимствовано им у Платона («De div.», II, 2, 6). В таком случае, может быть, влияние Платона на Саллюстия шло через Цицерона?

Однако это не так. Можно отметить одно расхождение Цицерона с Платоном, расхождение, которого у Саллюстия мы не обнаруживаем, что и свидетельствует о непосредственном влиянии Платона на Саллюстия.

Основной причиной вырождения и смены государственных форм, по мнению Цицерона, является доведение до крайности (т. е. до степени злоупотребления) основного принципа каждой из форм, и как тираны погибают вследствие злоупотребления своей властью, так и чрезмерная свобода при демократическом строе порождает тиранию и рабство («De rep.», I, 44). Платон, не отрицая вовсе значения фактора злоупотреблений, не довольствуется им и смотрит на вопрос более глубоко, ставя, как мы видели, изменение форм правления в тесную связь с социальными переворотами, с нравственным уровнем граждан³; тирании, по его мнению, предшествует развитие в гражданах честолюбия, олигархии—развитие корыстолюбия и т. д.

Но и Саллюстий, как мы только что убедились, тоже подчеркивает тесную связь между нравственным уровнем граждан и процветанием государства, говорит о развитии честолюбия и корыстолюбия⁴, примыкая таким образом непосредственно к Платону.

Что же касается Цицерона, то он скорее следует воззрениям Полибия (VI, 10), заимствуя у Платона лишь частности. Учение о смене государственных форм вследствие доведения до крайности основного принципа каждой данной формы и господства его над остальными, привело как Полибия, так вслед за ним и Цицерона к само собой напрашивающемуся выводу. Прочность государственного строя может быть достигнута лишь в том случае, если полновластие одного принципа будет умеряться действием других, т. е. в условиях смешанной формы правления⁵.

Этот вывод и это построение Платону чужды, если не считать одного, и то довольно глухого, упоминания о том, что τρίτον τοῖνον εἶπαμεν ἐτι πολιτείας οὐκ ἔστι γιγνόμενον ἐν ᾧ δὴ πάντα εἶδη καὶ παρῆλθα πολιτειῶν καὶ ἀπὸ πόλεων συμπίπτει γίγνεται («Legg.», III, 681D). Также чуждо подобное воззрение и Саллюстию. Саллюстий, в отличие от Цицерона, примыкает к Платону непосредственно и самым тесным образом.

Перейдем к рассмотрению воззрений Саллюстия на лучшую государственную форму.

¹ P l a t., Pol., IV, 445C—E; VIII, 543—562; IX, 571—580.

² Но это отнюдь не означает, что Саллюстий, подобно Платону, отрицательно относился к демократии как форме государственного устройства.

³ P l a t., Pol., VIII, 545; VIII, 562, 565.

⁴ См. выше, стр. 193.

⁵ C i c., De rep., I, 29, 45; P o l y b., VI, 3, 11.

Еще в раннем «Письме к Цезарю» дан первоначальный набросок учения Саллюстия о лучшей государственной форме. В гл. V этого письма Саллюстий устанавливает основное, исконное деление римского общества на *patres* и *plebs*. У *patres*—*summa auctoritas*, у *plebs*—*vis*. Затем идет упоминание о борьбе сословий, о *secessio*. Все эти события привели к тому, что могущество нобилитета уменьшилось, а права народа возросли¹. Тогда создалось некое прочное и устойчивое равновесие. Это и была лучшая пора, «золотой век» республики, когда народ пользовался свободой и никто не мог злоупотреблять своей властью, попирая законы, когда знатный превосходил незнатного не богатством или надменностью, но доброй славой и отважными поступками («Ер.», II, 5).

Итак, даже на основании раннего «Письма к Цезарю» можно установить, что, по мнению Саллюстия, государственной формой, соответствовавшей периоду «золотого века», было некое равновесие между *patres* и *plebs*.

В прооёмии к «Заговору Катилины» представление Саллюстия о лучшей государственной форме не только выражено более четко, но здесь оно получает теоретическое обоснование. Этим обоснованием является учение Саллюстия о дуализме человеческой природы. Мысль о подобном дуализме проскальзывает впервые в том же «Письме к Цезарю», когда Саллюстий говорит, что народ должен повиноваться сенату, как тело душе: *igitur ubi plebes senatui sicuti corpus animo oboedit* («Ер.», II, 10).

Еще более определенно мысль о взаимоотношениях души и тела высказана в повиднем «Письме» по поводу печальной участи тех, кто проводит жизнь в низменных наслаждениях, и, таким образом, подчиняет дух, которому подобает господствовать, телу («Ер.», I, 8). В прооёмии к «Заговору Катилины» эти отдельные мысли и высказывания развиты значительно полнее. Саллюстий начинает с того, что чрезвычайно четко устанавливает двойственный характер человеческой природы: *sed nostra omnis vis in animo et corpore sita est* («Cat.», 1, 2). Но если человек складывается из души и тела, какому же из этих двух начал принадлежит приоритет? На этот вопрос Саллюстий отвечает тоже совершенно четко и недвусмысленно: *animi imperio, corporis servitio magis utimur* (ib.). Иначе не может и не должно быть, ибо: *alterum nobis cum dis, alterum cum belluis commune est* (ib.).

Но понятия *animus* и *corpus* не являются для Саллюстия только отвлеченными философскими категориями. Они сразу же проицируются им в сферу государственной жизни. Уже сама формула *animi imperio, corporis servitio magis utimur* чрезвычайно напоминает нам с внешней стороны уже упоминавшуюся и более раннюю формулу Саллюстия: *plebes senatui, sicuti corpus animo oboedit* («Ер.», II, 10) и, несомненно, находится с ней в более тесной внутренней связи. Это—не что иное, как обоснование двойственной природы государства дуализмом человеческой природы.

Начав прооёмии к «Заговору Катилины» с общих теоретических положений, Саллюстий переходит к рассуждению: *vine corporis an virtute animi, res militaris magis procederet* («Cat.», 1, 5). Здесь мы можем наблюдать перенесение философских понятий «душа» и «тело» в сферу государственной жизни, где они выступают, как *virtus animi* и *vis corporis*. Государственный организм конструируется Саллюстием по образу и подобию организма человеческого.

Но в этой схеме Саллюстия душа и тело, несмотря на безусловный приоритет души, отнюдь не противопоставлены друг другу как враждебные категории. Наоборот, речь идет о некоем сочетании этих двух элементов человеческого существа, взаимно дополняющих друг друга.

Эта точка зрения характерна для Саллюстия, ибо уже в ней достаточно ясно выступает тенденция примирения, тенденция компромисса, типичная для Саллюстия на данном этапе его литературной деятельности.

Но если для Саллюстия в сфере государственной жизни *animus* выступает, как *virtus animi*, а *vis*, как *vis corporis*, то каковы должны быть взаимоотношения между ними, дабы обусловить наилучший государственный строй и процветание общества?

¹ «Ер.», II, 5... *nobilitatis opes deminutae sunt et ius populi amplificatum.*

Саллюстий дает на этот вопрос чрезвычайно любопытный ответ: между людьми, говорит он, долго шел большой спор о том—преуспевает ли более военное дело от физической силы, или же от духовной доблести (*vine corporis, an virtute animi, res militaris magis procederet*); но прежде чем что-либо предпринимать, следует поразмыслить, а по размышлении действовать во-время; следовательно, оба качества, будучи сами по себе недостаточны, нуждаются во взаимном пополнении (*ita utrumque, per se indigenis, alterum alterius auxilio eget*, «Cat.», 1, 5—7).

Теперь мы располагаем достаточным материалом для обобщения. В раннем «Письме» Саллюстий говорит о состоянии равновесия между сенатом и народом, что и выражено формулой: *patres (summa auctoritas)—plebs (vis)*. Но совершенно очевидно, что эта формула находится в тесной связи с формулой *virtus animi—vis corporis*. Эта последняя—не что иное, как теоретическое обоснование формулы из «Письма».

Мы проследили тенденцию к примирению, к объединению в некоем синтезе элементов схемы *virtus animi—vis corporis*, при несомненном приоритете первого члена схемы. Равным образом мы можем отметить тенденцию к примирению, к объединению в некоем синтезе элементов схемы: сенат (с его *auctoritas*)—народ (с его *vis*), при несомненном приоритете первого члена схемы.

Следовательно, общая, принципиальная тенденция Саллюстия заключается в примирении *auctoritas (-virtus animi)* с *vis (-vis corporis)*. Сенат—«душа», народ—«тело». Но *plebes senatui, sicuti corpus animo oboedit* («Ep.», II, 10), и тогда искомая государственная форма, идеал политического устройства, должна удовлетворять следующему условию: сдерживать *vis*, значением *auctoritas* примирять в некоем синтезе то и другое. Идеалом для Саллюстия является республика, руководимая сенатом¹, который и обладает *summa auctoritas*. Эта государственная форма была уже дана в истории Рима, в прошлом (ср. «золотой век»), к ней должно стремиться и в будущем.

Несомненно, что на формирование этих взглядов Саллюстия также оказал глубокое влияние Платон. Глубина и принципиальность этого влияния может быть подчеркнута тем, что понятия *animus* и *corpus* сразу проецируются Саллюстием в сферу государственной жизни, и саллюстиево представление о лучшей государственной форме выжидается на этих двух элементах схемы и взаимоотношениях между ними. Государственный организм конструируется Саллюстием по образцу и подобию организма человеческого. И это снова говорит нам о влиянии Платона. Платон неоднократно подчеркивал ту мысль, что взаимоотношения в государстве воспроизводит взаимоотношения между отдельными частями человеческого существа, что справедливый человек подобен справедливому государству, что государство есть собирательный образ человека и потому в природе государства есть все то, что имеется в природе человеческой, и нет ничего такого, чего бы не было в человеке².

На этой-то теоретической основе, взаимодействующей у Платона, Саллюстий и строит свое учение о лучшей государственной форме, т. е. о республике, руководимой сенатом. Но даже это конкретное выражение политического идеала Саллюстия находит себе явную параллель в Платоновом «Менексене». В «Менексене» развивается мысль о том, что во времена предков существовала прекрасная форма правления, которая была настолько хороша, что сама оказывала благотворное влияние на граждан. Что же это за форма правления? Одни называют ее демократией, другие аристократией, по существу же это—аристократия, как бы соединенная с одобрением народа³. Но и идеальная государственная форма Саллюстия тоже представляет собой не что иное, как «аристо-

¹ Конечно, Саллюстий имеет в виду «идеальный» сенат, а не тот сенат, из которого он был исключен и который он сам аттестует весьма нелестно. См., например, «Iug.», 4. сл.

² P l a t. Pol., II, 368E; IV, 435B, 435E, 445C; V, 462C; Leg., VIII, 828D.

³ P l a t., Menex., 238B—D... ἔστιν δὲ τῇ ἀληθείᾳ μετ' εὐδοξίας πλήθους ἀριστοκρατία.

кратию, соединенную с одобрением народа» (или в интерпретации Саллюстия—сенат + народ). Любопытно, что историческое воплощение этой идеальной формы Саллюстием также отнесено к временам предков, к раннему периоду римской истории («Ер.», II, 5; «Cat.», 7, 1—7; 9, 1—5).

На примере учения Саллюстия о лучшей государственной форме еще раз можно показать отличие его взглядов от концепции Полибия—Цицерона.

Несмотря на то, что Цицерон заимствует основные представления о душе и о государстве у Платона («De rep.», 38), он затем, как мы в этом убедились выше, развивает свое учение о государственных формах по совсем иному пути. Этот путь приводит Цицерона к представлению о смешанной форме правления, как об идеале государственного устройства (концепция Полибия).

Но для Саллюстия идеалом государственного устройства отнюдь не является смешанная форма правления. Идя своим путем, Саллюстий делает вывод о том, что идеалом государственного устройства является «аристократия, соединенная с одобрением народа» (концепция Платона).

Таким образом, мы имеем возможность еще раз подчеркнуть непосредственную связь Саллюстия с Платоном.

Перейдем, наконец, к рассмотрению учения Саллюстия о лучшем государственном деятеле.

Черновой набросок облика государственного деятеля тоже дан впервые в более раннем «Письме к Цезарю». Но он дан еще в самой общей форме. Саллюстий наделяет своего идеального государственного деятеля следующими чертами: *magna cura* по отношению к *res publica*, *virtus*, затем *multipliciter animus curis et laboribus fatigatur* и, наконец, он *omnibus locis adest; festinat*. («Ер.», II, 10). Этот портрет вполне может быть дополнен теми чертами, которые придает Саллюстий непосредственно Цезарю («Ер.», II, 1; I, 1, 7), ибо в период написания «Писем к Цезарю», как мы еще убедимся в этом ниже, последний и был для Саллюстия образцом государственного деятеля.

Саллюстий в этот период еще верил в то, что может найтись такой человек, такой правитель, который будет в состоянии пресечь разгул пороков в римском обществе, возродить республиканские учреждения и мудрой законодательной деятельностью направить государственный корабль по должному пути. Саллюстий верил в то, что может найтись такой человек, который государство, выродившееся в тиранию, превратит в государство закона. Более того, Саллюстий знал такого человека и возлагал на него свои надежды. Этим человеком и был для Саллюстия в эпоху написания «Писем»—Цезарь.

Какие же черты придает Саллюстий облику Цезаря в «Письмах»? Саллюстий, прежде всего, подчеркивает величие Цезаря, его могущество, огромную власть, сосредоточенную им в своих руках в результате успехов и побед над врагами («Ер.», II, 1—2; I, 1). Затем Саллюстий особо отмечает высокую интеллектуальность Цезаря, для ума которого нет ничего недоступного, ум которого всеобъемлющ и гениален («Ер.», II, 2; I, 7). И, наконец, Саллюстий говорит о добродетели и высоконравственном образе действий Цезаря. Цезарь может служить образцом поведения для прочих государственных деятелей и для всех граждан («Ер.», II, 2; I, 1).

Таковы основные черты, из которых складывается облик идеального государственного деятеля в «Письмах». Наличие подобных качеств у правителя, по мнению Саллюстия, обеспечивает установление желательного равновесия между сенатом и народом, между *patres* и *plebs*, а следовательно, и процветание государства. На примере же римской истории можно убедиться в том, что наличие подобных качеств у *maiores* обеспечило в свое время римскому государству его могущество и величие («Ер.», II, 10).

Так же как и другие разделы теории Саллюстия, его учение о лучшем государственном деятеле находится в тесной связи с соответствующими взглядами Платона. Здесь, прежде всего, следует иметь в виду мнение Платона о том, что государство закона легче всего и вероятнее всего может возникнуть из тирании, при наличии выдающегося законодателя, или, как называет его Платон, благопристойного, порядочного

(*xóctoc*) тирана. Это учение развито Платоном в «Законах», в книге, которая оказала большое влияние на государственную мысль Саллюстия (Plat., Leg., 710D—E).

Считая Цезаря способным! восстановить республиканские формы, а тем самым и римское государство, Саллюстий, несомненно, находился под влиянием учения Платона о возникновении государств закона из тирании и о «благопристойном тиране». Это тем более вероятно, что, если присмотреться внимательнее к качествам и свойствам Цезаря, которыми он награжден еще в раннем «Письме», то бросается в глаза изумительное сходство этих черт с характерными чертами «благопристойного тирана» Платона. У этого «порядочного» тирана, выдающегося законодателя, который и создает государство закона, величайшая власть должна сочетаться с разумом и здравомыслием (ib., 712A). Затем его образ жизни и поведение должны служить образцом для всех граждан, ибо таким путем могут быть изменены нравы самого общества, так как граждане будут подражать своему властителю, ибо его собственное поведение будет для них как бы предписанием, потому что за одни поступки он будет хвалить и оказывать почет, за другие—поричать (ib., 711B—C). Но ведь эти же самые свойства, как мы убедились выше, приписываются Саллюстием Цезарю (конечно, в достаточно преувеличенном виде), который таким образом и оказывается вполне подходящим для выполнения исторической миссии по возрождению римского государства.

Однако все вышеприведенные высказывания Саллюстия являются лишь первоначальным наброском облика государственного деятеля. Знаменитая [сравнительная характеристика Цезаря и Катона в «Заговоре Катилины» интересна именно тем, что она дает нам возможность проследить дальнейшее развитие взглядов Саллюстия на идеал государственного деятеля.

Уже сама мотивировка введения этих характеристик в повествование представляет значительный интерес. Именно здесь Саллюстий подчеркивает роль личности в истории, именно здесь он утверждает: *paucorum civium egregiam virtutem cuncta patravisse* («Cat.», 53, 4).

Затем Саллюстий в характеристиках Цезаря и Катона дает мастерски выполненный набросок облика идеального государственного деятеля. Основные характерные черты, определяющие этот облик, строго и по определенному принципу отбора распределены между Цезарем и Катоном. Характеристика Цезаря дает образ «деятеля», в ней акцентированы именно моменты деятельности. Вот основные черты характеристики Цезаря: *beneficia, munificentia, misericordia, perfugium miseris, facilitas laborare, vigilare, sibi magnum imperium, exercitum novum bellum exoptabat, ubi virtus enitescere posset* («Cat.», 54).

Характеристика Катона дает образ «морального героя», в ней акцентированы прежде всего моменты нравственного совершенства. Вот основные черты характеристики Катона: *integritas vitae, severitas, pernicies malis, constantia, studium modestiae, decoris, non divitiis cum divite, neque factione cum factioso, sed cum strenuo virtute, cum modesto pudore, cum innocente abstinentia certabat* (ib.).

Кому же из этих двух героев отдает Саллюстий предпочтение? Кто теперь является для него идеалом государственного мужа—«деятель» Цезарь или «нравственный герой» Катон?

Этот вопрос, кстати сказать, неоднократно дебатировался в литературе. Так, например, Ed. Schwartz, рассматривая «Заговор Катилины» как апологию Цезаря, считал, конечно, что истинным героем является Цезарь, а Катон—«слишком непрактичен»¹. Новейшие исследователи Саллюстия, как, например, Scard, Schur², наоборот, признают эти характеристики доказательством антицезарянской позиций Саллюстия, которому якобы больше импонирует образ «нравственного героя» и «стойка-мыслителя» Катона.

¹ Ed. Schwartz, op. cit., стр. 572.

² W. Schur, op. cit., стр. 147. О точке зрения Scard'a сужу на основании рецензии в «Klio», XXIX (1936).

И, наконец, O. Seel¹ считает, что ни Цезарь, ни Катон не могут быть героями Саллюстия, ибо они оба не являюся обновителями государства.

Анализ учения Саллюстия о лучшей государственной форме, направление и тенденция государствоведческой теории Саллюстия в целом—все это убеждает нас, что ни один из вышеприведенных взглядов не может считаться правильным. Нам кажется более вероятным, что идеал государственного деятеля для Саллюстия уже не в Цезаре с его качествами и атрибутами или в Катоне с его качествами и атрибутами, а в некоем синтезе обоих героев, в сочетании качеств и атрибутов как одного, так и другого. Это предположение легко подтверждается тем, что характеристики построены таким образом, что, по существу говоря, сливаются в единую характеристику некоего синтезированного деятеля и героя. И, действительно, характеристики не расположены одна след за другой, а слиты воедино: определенный ряд качеств Цезаря сразу же дополняется рядом соответственных качеств Катона, затем идет новый «слой» качеств Цезаря, его дополняет соответственный «слой» Катона и т. д. и т. д. («Cat.», 54). Недаром Саллюстий предваряет свои характеристики весьма знаменательными, с этой точки зрения, словами: *sed memoria mea, ingenti virtute, divorsi moribus fuere viri duo M. Cato et C. Caesar* («Cat.», 53, 6).

Итак, идеал государственного деятеля в «Заговоре Катилины» конструируется уже на основе синтеза атрибутов Цезаря и Катона. Цезаревых атрибутов самих по себе недостаточно, как недостаточно и Катоновых, взятых отдельно. Дело заключается в том, что они нуждаются во взаимном пополнении: *per se indigens, alterum alterius auxilio eget* («Cat.», 1, 7).

Следует отметить, что представление Саллюстия о лучшем государственном деятеле в основных своих чертах совпадает с обликом правителя государства (*rector rei publicae*) у Цицерона. Как известно, вопросу о правителе государства в «*De republica*» уделено достаточно места и внимания, но из всего, что говорит Цицерон о правителе государства, до нас дошли лишь отдельные фрагменты. Однако и на основании знакомства с дошедшими до нас высказываниями, можно судить о том, что Цицерон близко примыкал в этом вопросе к Платону, а следовательно, и к Саллюстию. Цицерон требует от своего *rector rei publicae* прежде всего определенных нравственных и гражданских достоинств, благоразумия («*De rep.*», II, 40), требует, чтобы в таком человеке разум торжествовал над низкими страстями (*ib.* II, 46), ибо если это необходимо для каждого человека, то для правителя государства необходимо вдвойне («*De rep.*», II, 41; «*De off.*», I, 23, 73). Помимо этого, Цицерон требовал от правителя мужества, осмотрительности, воздержанности («*De rep.*», II, 41; V, 8), и, наконец, трудолюбия, без которого правитель не может удовлетворять своему высокому положению и задачам (*ib.*, V, 7).

Все эти качества, приписываемые Цицероном своему государственному деятелю, лежат всецело в плане качеств и атрибутов идеального государственного деятеля Платона—Саллюстия.

Некоторые исследователи, как, например, Ферреро², считают, что Цицерон в «*De republica*» дал апологию монархии, принципата. Еще более определенно по этому поводу высказывается Вишер, который считает, что *rector rei publicae* Цицерона есть не что иное, как «монархический президент»³. О монархических тенденциях Цицерона говорит и Reitzenstein⁴, который находит, что Цицерон вносит свой корректив в полибеву схему смешанного устройства Рима, подставляя на место «парского элемента»

¹ O. Seel, *op. cit.*, стр. 38—43.

² Г. Ферреро, Величие и падение Рима, II, стр. 75—76, 156.

³ Ф. Вишер, Очерки истории Римской империи, стр. 271.

⁴ Reitzenstein, *Die Idee des Prinzipats bei Cic. und Aug.*, «*Gött. Nachr.*», 1917.

в этом устройстве (т. е. консулов)—своего *rector rei publicae*. Ed. Meyer¹ говорит о том, что образцом для Цицерона была «идеальная аристократия» под руководством принцепса, т. е. некая конституционная монархия. К этой же точке зрения примыкает еще ряд исследователей.

Однако она была основательно поколеблена работой R. Heinze². Он обращает внимание на то, что государственный деятель у Цицерона везде называется *rector rei publicae*, но не принцепс (за исключением нескольких неточных эксцерптов). Это определение не имеет никакого монархического оттенка, являясь лишь латинским эквивалентом греческого *ἀνὴρ πολιτικός*. И действительно, в VI книге «De re publica», где приводятся образцы этих *rectores rei publicae*, мы имеем дело исключительно с аристократами-республиканцами старого закала, как, например, Сципион, Л. Эм. Павел, Катон, Гракх-отец, Лелий, Сципион Назика. А так как Цицерон, повидимому, примеряет и самого себя к идеалу этого *rector rei publicae* («Ad Att.», VI, 2, 9; VII, 3, 2), то немонархический характер этого термина совершенно ясен. «De re publica»—апология традиционной конституции, и идеальный *rector* Цицерона—аристократический деятель. Таким образом, определения государственного деятеля Платона—Саллюстия, с одной стороны, и Цицерона, с другой, в основных своих чертах, совпадают.

Попытаемся теперь ответить на поставленный в начале данной статьи вопрос о связи этих воззрений Саллюстия с окружающей общественно-политической обстановкой³.

Период, в который складывались прослеженные нами воззрения Саллюстия, был одним из наиболее напряженных и драматических периодов римской истории. Трехлетие гражданской войны, единодержавие Цезаря и его гибель, крушение старореспубликанских форм и становление *imperium Romanum* в его мировом значении и границах—таково историческое содержание этого периода. В каком же соотношении с этими крупнейшими событиями находился политический идеал Саллюстия? Как отразилась на нем партийная борьба, кипевшая в эту эпоху в римском обществе? И, наконец, с другой стороны, интересы и чаяния каких общественных группировок были выражены в этом идеале?

Политический идеал Саллюстия, как мы установили, включал в себя представление о лучшей форме правления. Эта последняя определялась формулой, данной самим Саллюстием: сенат + народ, при соответствующем разграничении функций между обоими членами формулы (т. е. сенат управляет, а народ под его мудрым руководством занимается полезной деятельностью). Как это явствует из исторического экскурса «Заговора Катилины» (10,1) подобный образ правления не только был исторически дан (период «золотого века»), но даже довольно точно локализован во времени: он продолжался вплоть до разрушения Карфагена, до проникновения римлян «во все моря и земли», т. е. до превращения Рима в *imperium Romanum*, в мировое государство. Уже вышесказанное дает нам основание охарактеризовать политический идеал Саллюстия как консервативно-республиканский.

Для Саллюстия, как и для многих его современников, понятия «государство» и «Рим» были понятиями идентичными. Идея государства воплощалась для него в полисе. Это и есть столь обычная, навеянная греческими образцами, «полисная идеология». Но в данном случае она должна быть определена как идеология консервативная, ибо Саллюстий призывал вернуться к уже пройденному этапу.

Попытаемся также выяснить вопрос о том, интересам какой социальной группировки соответствовал идеал государственного устройства, сформулированный Саллюстием в его первых литературных произведениях.

¹ Ed. Meyer, op. cit., стр. 184.

² R. Heinze. Ciceros Staat als polit. Tendenzschrift, «Herm.», LIX (1924).

³ Более подробному рассмотрению этой проблемы посвящена моя статья «Политические послания Саллюстия к Цезарю» («Ученые зап. Института имени Покровского», Л., 1940). Поэтому здесь я излагаю лишь краткие выводы из высказанных мною ранее соображений.

Саллюстий, как мы можем судить на основании программы политических реформ в данном «Письме к Цезарю» («Ер.», II, 5—8; 10—12), представлял интересы средних слоев римского общества, т. е. промежуточной группы между правящей верхушкой и деклассированными низами. Это была достаточно широкая и довольно пестрая по своему социальному составу прослойка, в политической жизни примыкавшая к различным течениям. Но в целом эта группа, несомненно, была заинтересована в умеренной демократии, в умеренно-республиканской форме правления, ибо она одинаково ненавидела как олигархическую, кастово-замкнутую верхушку нобилитета, захватившую в свои руки всю политическую власть, так и деклассированные низы (*vulgus*). Программа этой группы может быть сформулирована так: политическое равноправие для представителей этой группы, или, говоря языком Саллюстия, «расширение прав народа и ограничение власти аристократии», т. е. опять-таки некое равновесие между сенатом (аристократия) и народом.

Насколько же отвечал ход исторического развития, ход жизни Римского государства и, в первую очередь, направление внутривластной деятельности Цезаря интересам этой общественной группировки и возможностям осуществления ее консервативного политического идеала? Определение основных тенденций и общего направления этой деятельности не представляет затруднений.

Основной идеей, пронизывающей всю программу реформ Цезаря, была идея организации могущественной римской державы, *imperium Romanum*. Об этом, прежде всего, свидетельствует самый размах этих реформ.

Можно говорить, по крайней мере, о двух тенденциях реформаторской деятельности Цезаря, которые и определяют общее ее направление. Это, во-первых, стремление к объединению государства и к установлению единообразного правового положения всего его населения. Во-вторых, это стремление к переустройству и совершенствованию государственного аппарата, созданию сильной централизованной власти.

Уравнительная тенденция подтверждается такими мерами Цезаря, как дарование прав гражданства транспаданцам (*Dio*, 41, 36; 37, 9; cf. *Tac.*, *Ann.*, 11, 24) и гадитанцам (*Dio*, 41, 24; *Liv. Ep.*, 110), возвращение автономии Фессалии, дарование свободы кнуддам и сложение части налогов с населения провинции Азия (*Plut.*, *Caes.*, 48; cf. *Dio*, 42, 6; *App.*, *b. c.*, 4, 5). Сюда же можно отнести и *lex Iulia municipalis* (*CIL*, I, 206; *Cic.*, *Ad fam.*, 6, 18, 1), проведение ценза по Италии (*Dio*, 43, 25), а также имеющие не малое значение монетную и календарную реформы.

Стремлением к установлению прочной централизованной власти продиктованы мероприятия по увеличению числа магистратов, членов жреческих коллегий (*Dio*, 42, 51 cf. *Cic.*, *Ad fam.*; 13, 68, 2; *Suet.*, *Caes.*, 41), проведение *lex Iulia de provinciis* (*Dio*, 43, 25; *Cic.*, *Phil.* I, 8, 19; 3, 15, 38; 5, 3.7), и, наконец, меры по ослаблению значения и авторитета сената, которые выразились в проведенной Цезарем *lectio senatus* (*Suet.*, *Caes.*, 41; *Dio*, 42, 51; *Caes.*, *B. Afr.* 28).

Эти две тенденции и определяют общее направление всей внутривластной деятельности Цезаря.

Но это направление, как нам теперь нетрудно убедиться, совершенно чуждо и враждебно политическим чаяниям Саллюстия и представляемой им общественной прослойки.

Если для Саллюстия идеалом, к которому он стремился, было возрождение Римополиса с его умеренно-республиканской формой правления, то политической целью Цезаря было создание мировой римской державы с централизованным государственным аппаратом. «Политическая идеология», идущая от классических греческих образцов, вступила в непримиримый конфликт с идеологией утверждающей себя мировой римской державы.

В самом деле, могли ли реформы Цезаря или само направление его реформаторской деятельности дать хотя бы надежду представителям интересующей нас группировки, что их основные требования (политическое равноправие, участие в деле государственного управления) будут удовлетворены? Конечно, нет. Наоборот, эта общественная

прослойка оттеснялась все больше и больше от руля государственного управления. Положение ее было крайне шатким и неустойчивым.

Эти соображения полностью объясняют нам несомненный факт разочарования Саллюстия в Цезаре, установленный нами еще при рассмотрении развития воззрений Саллюстия на идеал государственного деятеля (см. сравнительные характеристики Цезаря—Катона). Следует учесть, что более раннее «Письмо к Цезарю» написано, если придерживаться распространенного теперь взгляда¹ в 50 г., т. е. когда Цезарь был главой партии, но не главой государства, и когда он в поисках поддержки и популярности охотно выдвигал многообещающие лозунги или шел им навстречу. В этот период Цезарь еще мог восприниматься как восстановитель старореспубликанских традиций. Это тем более вероятно, что из всех крупных политических фигур того времени только Цезарь и мог возбуждать подобные надежды, ибо Помпей уже совершенно открыто блокировался с нобилитетом. Самому Цезарю было только выгодно поддерживать подобные чаяния и надежды. Этим и объясняется наличие обширной программы государственных реформ, предлагаемых Саллюстием вниманию Цезаря в его раннем «Письме».

Более позднее «Письмо к Цезарю» написано после битвы при Тапсе, т. е. во второй половине 46 г. В это время Цезарь уже стал во главе государства и уже достаточно ясно определилось изложенное нами выше основное направление его законодательной и реформаторской деятельности. Поэтому в более позднем «Письме» могут быть прослежены первые признаки разочарования Саллюстия в своем герое. И, наконец, монография о заговоре Катилины, в которой Цезарь сопоставлен с его заклятым врагом Катоном, была опубликована после смерти Цезаря, когда Саллюстий имел возможность подвести окончательный итог его деятельности, а заодно и своим обманутым надеждам.

Это разочарование свидетельствует об изменении политической ориентировки Саллюстия. В свою очередь, эта новая ориентировка не могла не оказать обратного воздействия на теоретическую базу его политических воззрений и симпатий. И, действительно, более поздние произведения Саллюстия—«Югуртинская война» и, в особенности, «Истории»—свидетельствуют о сложном процессе выработки новых политических идеалов.

В заключение уместно сказать лишь несколько слов о характере установленного нами влияния Платона на воззрения римского историка.

Это влияние не следует переоценивать. Платон был и остался для Саллюстия «книжным образцом». Влияние его поэтому носило специфически литературный характер и касалось, главным образом, теоретических основ воззрений Саллюстия на идеальное государственное устройство. Нередко «злободневные» политические симпатии Саллюстия, обусловленные конкретной действительностью и, как это было только что показано, принадлежностью Саллюстия к определенной социальной среде, шли вразрез с политическими теориями греческого мыслителя и, в частности, с его аристократическими установками.

В ходе общей политической эволюции Саллюстия намечается тенденция изжить подобное «противоречие системы». В силу этого дальнейший процесс развития теоретических воззрений римского историка характерен, в первую очередь, отходом от влияния греческих литературных образцов, в частности Платона, и внесением в политический идеал тех коррективов, которые были продиктованы самой жизнью и конкретной обстановкой этого столь богатого политическими потрясениями периода римской истории.

С. Л. Утченко

¹ С. Н. D a h l m a n n, Sallusts polit. Briefe, «Hermes», LXIX (1934), стр. 382.